

Война устами моей бабушки

Меня зовут Мароченков Виталий, мне 18 лет, родился в городе Кировград, в настоящее время учусь на первом курсе филологического факультета нижнетагильского социально-педагогического института. В этой статье я бы хотел написать о моей бабушке, Мароченковой Людмиле Александровне, которая является ребёнком войны, и которая рассказала мне о том, как она, её мама и брат пережили Великую Отечественную войну. Своё повествование я построю в виде одной большой цитаты бабушки, которая описала мне все главные события, происходившие с её семьей в эти тяжелые годы войны. Вот что она мне рассказала: «До войны в нашем городе был свой театр и артисты. Мой папа, Сохарев Александр Матвеевич (годы жизни: 6 декабря 1908год- 10 января 1942год), работал в нём машинистом сцены. Зимой мы жили дома, на лето уезжали вместе с папой на гастроли в другие города нашей области. Мама (Сохарева Анна Яковлевна, 15 июля 1908 года- 21 марта 1988 год) не работала, занималась нашим воспитанием. Нас у мамы было трое: я, Мароченкова Людмила (родилась 18 декабря 1936 года), мой брат, Сохарев Владимир Александрович (14 февраля 1939 года- 16 октября 1988 год), и младшая сестренка Тамара (умерла в 7 месяцев в 1941 году). Я самая старшая, мне шёл пятый год, когда началась война, брату третий год и ещё была сестра Тамара, ей было 7 месяцев. Когда папа получил повестку на фронт, он вечером сказал маме: «Ну вот, дорогая Нюрочка, остаёшься ты одна, я иду на фронт.» На следующий день их увезли от Дома Культуры на машинах в город Невьянск. Поначалу маме привозили грязное бельё большими свёртками из театра и кусок хозяйственного мыла. Мама стирала, а за это ей давали сколько-то денег, чтобы прокормить нас. На эти деньги мы и жили. Потом она устроила нас с братом в садик. Младшая сестра Тамара умерла от дизентерии. Вскоре мама устроилась на работу в столярную мастерскую. Там делали табуретки, стульчики и перетягивали матрасы. Платили мало, поэтому она подрабатывала мытьём полов и стиркой белья соседям и знакомым. Мама рассказывала нам, как однажды она выстирала бельё дома, взяла решётку на плечо и пошла полоскать его на речку Шуралку. Пришла, было ещё темно, она села на берег и горько заплакала, боялась, что в темноте не заметит, как утопит чужое бельё. Чуть рассвело, она выполоскала, пришла домой, развешала. Отвела нас с братом в садик, а сама пошла на работу.

В 1942 году в наш город эвакуировали завод твёрдых сплавов из Москвы (сейчас он называется Кировградский Завод Твёрдых Сплавов (завод №4)), она устроилась туда на тяжёлую работу, катать вагонетки с углём по узкоколейке к котлам, чтобы ей за это давали килограмм хлеба. Ни огорода,

ни сада у нас не было. Мама работала, а мы росли. Летом ходили за грибами и ягодами. Что наберём- принесём домой, так и жили. Поздней осенью, когда выпадет снег и пройдут первые заморозки, Вова ходил на лыжах в лес за рябиной. И столько понатаскает красной рябины, что мы всю зиму её кушали. Очень вкусная была рябина, кушали её вместо конфет. Помню, как пилили дрова с мамой: она с одного конца, а мы с братом с другого. Как дёрнет, так и выдернет у нас пилу. Говорит: «Вы хоть держите ручку то крепко». Кое-как распилим, а колет она сама. Топор воткнёт в бревно, а вытащить не может и поэтому плачет. Вова рано начал помогать маме колоть дрова. Мама только кричала: «Осторожно, ногу не повреди». А как ходили в баню: Вову не пускали с нами, а один он ещё был мал. Мама просила соседа, дядю Пашу, чтобы он присматривал за братом, а у него своих было 7 детей, он брал и нашего. Ходили за хлебом. Хлеб давали по карточкам. С вечера занимали очередь мы с братом, а к ночи мама сама приходила. Утром хлеб привезут, магазин откроют, и люди кто понизу между ног, а кто поверху по головам лезут за хлебом. А мы стоим, стоим, а когда наша очередь подойдёт, хлеба уже не хватит. А ещё помню, как за 31 число хлеб мы съели вперёд, а за 1 ещё не дают. Мама пришла с ночной работы и говорит: «Весь день буду спать, чтобы кушать не хотеть». А брат выспался, лежит за её спиной и царапает ей спину: «Мама, я кушать хочу». А мама ему отвечает: «Ну что я тебе сыночек дам то, за один то день мы не умрём. Иди соль полижи (она была красная и комками) и попей водички, а кушать будем завтра. Хлебушка получим и поедим». Она всё время говорила: «Нас хоть, слава богу, не бомбят». Как ходили в школу и носили одни сапоги мамыны с широким голенищем и деревянными колодками. Одевала на меня и говорила: «Как уроки кончатся нигде не задерживайся, беги скорей домой. Сапоги надо Вове в школу». На заводе маме выдали подарок: клетчатое пальто. Его мы тоже оба носили. Один снимал, другой одевал. После того как мы немного подросли, у нас было поделено, кто и что делает. Я в 10 лет мыла полы, бельё шоркала железной тёркой, носила воду, ходила полоскать бельё. Вова носил дрова к печке, ходил по магазинам за продуктами. Война к этому времени закончилась. Когда собирались вечерами вместе, мама чинила что-нибудь, а нам говорила: «Попойте-ка мне песенки». Мы пели песни военные, у нас было радио: чёрный круглый репродуктор. По нему о самой ночи шли интересные передачи.

Вова закончил 8 классов, а я 10 классов. Мы повзрослели, в 16 лет брата взял на работу грузчиком в магазин сосед. А в 18 лет Вова ушёл служить в Морфлот на 4 года. Отслужил, вернулся, устроился работать на завод в метцех на медную площадку. Потом женился, появилось два ребенка- погодки, дочь Оля и сын Саша, названный в честь отца. В 18 лет меня тоже устроила соседка на работу в горком партии. Она там работала инструктором,

а меня взяли техничкой. Там я проработала два года. Затем второй секретари партии, Симон Анатолий Борисович, помог мне устроиться учеником лаборанта. Я выучилась и стала работать на заводе в химической лаборатории по пятому разряду и проработала там 36 лет до пенсии. Вышла замуж за Мароченкова Владимира Яковлевича. Получила медаль за добросовестный и долголетний труд, сейчас являюсь ветераном труда, инвалид второй группы. Болею астмой. Сейчас идёт 79 год. Мамочка наша умерла на 80-ом году жизни, а брат Володя тоже умер от инфаркта в один год с мамой. Всего полгода разницы между их смертями. О папе мы знали сослов мамы, как он нас любил, как писал письма. Мы были малы, ничего не понимали. Каждое письмо начиналось со слов: «Здравствуйте мои дорогие. В первых строках своего письма я шлю сердечный привет: любимой жене Анне Яковлевне, дочке Людочке и сыночку Вовочке. Дорогая Анна Яковлевна, не мори детей, и сама не мри. Продай всё, что можешь: пальто, костюм и ружьё. Жив буду- наживу. Идёт страшная война. Или грудь в орденах или голова в кустах». Он был дважды ранен и снова возвращался на фронт. Являлся командиром полка. О смерти папы мы узнали, когда пришла похоронка, где было написано, что он погиб 10 января 1942 года, ему было 34 года. Когда брат служил в Морфлоте, он делал запрос, о смерти отца и ему ответили, что наш папа, Сохарев А.М., погиб смертью храбрых. Он занесён в городскую книгу памяти и его фамилия записана на доске у вечного огня в Кировграде. Ещё помню, как у нас в городе был военный госпиталь, и я ходила туда в 9 лет к раненым, пела песни, читала стихи, писала им от их имени письма домой. Конечно писала ещё плохо, солдаты угощали нас кусочком сахара, но мы не брали, потому что нам не разрешали брать у раненых.

Папин брат, дядя Коля, воевал в 18 лет, получил ранение в руку выше локтя, полгода лежал в госпитале, а потом его комиссовали домой. Он ехал с фронта и заехал к нам. Маме говорит: «Давай я Люду заберу погостить к нам, тебе с одним будет полегче». И забрал меня в деревню к бабушке с дедушкой. Помню, как с бабушкой осенью, когда убрали урожай и земля была подмёрзлая, рано утром встанем и идём в поле собирать колоски в мешочек. Они примёрзнут, кое-как их ногой оторвёшь от земли и всё оглядывались. Бабушка говорила: «У тебя глазки молоденькие, смотри объездчика, а если заберут нас с тобой, то всё отберут и отдадут под суд». Насобираем немного колосков, бабушка почистит их и сварит кашу. Ещё она делала парёнки в большой глиняной латке. Положит свёклу, репу и морковь. Сначала сварит, а потом положит на листик и подсушит. В деревне я пошла в школу. В классе было три ряда, на первом ряду сидел первый класс, на втором- второй класс, на третьем- третий класс. Была одна учительница. На перемене нам давали маленькую чашечку гороха. Тетрадей не было, делали сами из серой бумаги,

сшивали нитками, линовали, а бумага была пупырышками и из газет. Два года я жила у бабушки с дедушкой, потом мама меня забрала домой. В городе бегали в дом пионеров, в библиотеку. Была пионеркой, потом комсомолкой, вожатой в младших классах. Ходила в хоровой, драматический, фото и танцевальный кружки. Первое школьное платье мне купили, когда я уже училась в седьмом классе. Когда работала в горкоме партии, нам давали путёвку на ёлку в Свердловск. Тоня Рычкова была старшим воспитателем, а я помогала ей, возили детей на эту ёлку. Участвовала в переписи скота от работы, в 1959 году участвовала в переписи населения. Была агитатором на выборах, работала в цеховом комитете. Когда сын, Мароченков Виктор Владимирович, пошёл учиться была в родительском комитете, а потом и в школьном. И не заметили. Как жизнь прошла!

Сейчас у меня есть один сын, 2 внучат и 3 племянников. Сын с внуком ходят ко мне, помогают по дому. Сильно задыхаюсь и мучаюсь с давлением. Мне так давно хотелось рассказать о своем нелёгком детстве, о этом тяжёлом пути своим детям и внукам, чтобы они не утратили эту связь с прошлым и знали историю своего рода. Спасибо им за это!»